

Невидимый собеседник

Невидимый собеседник оказался возле меня внезапно, после моего возвращения из Эфиопии, и этим я была обязана не ему – а моему случайному соседу, который видел его и говорил с ним, считая его далеко не воображаемым. Он, правда, обращаясь к нему, допускал, что собеседник уже мёртв. В тот момент мне вспомнилась пословица из Эфиопии: «С теми, кто вас хоронит, не спорят». Значит ли она, что, оказавшись среди мёртвых, мы теряем право спорить с живыми?

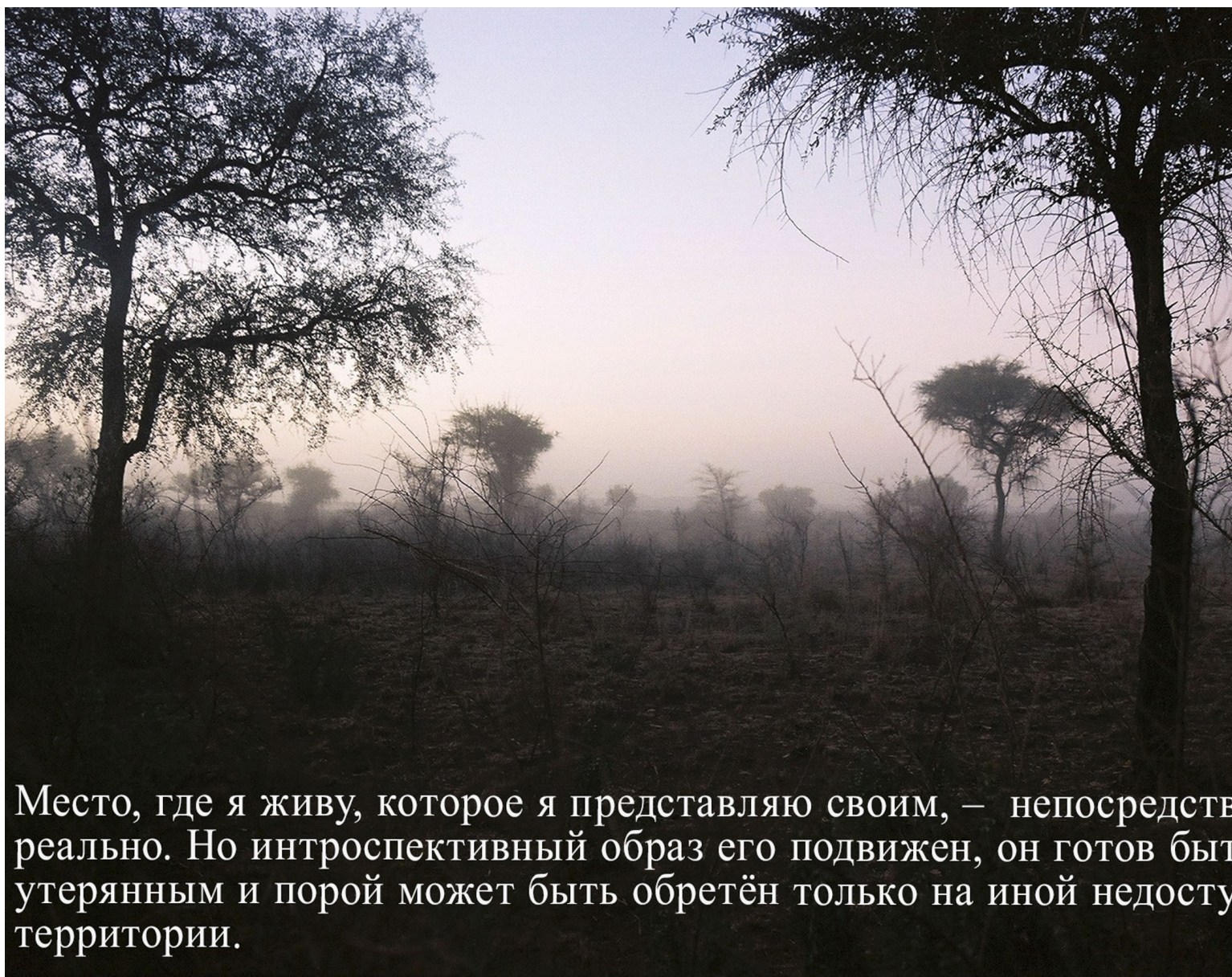
Невидимый собеседник оказался возле меня внезапно, после моего возвращения из Эфиопии, и этим я была обязана не ему – а моему случайному соседу, который его видел и говорил с ним, считая его далеко не воображаемым. Он, правда, обращаясь к нему, допускал, что собеседник уже мёртв.

В момент этой встречи, о которой я подробнее еще расскажу, мне вспомнилась назидательная пословица из Эфиопии: «С теми, кто вас хоронит, не спорят». Значит ли она, что, оказавшись среди мёртвых, мы теряем право спорить с живыми? В любом случае, и с этим согласятся многие, своевременное обучение мертвецов хорошим манерам лишним быть не может.

Порой воспоминания о каком-то месте, о пространстве, о странствии умирают, прежде чем фотография успевает быть сделана. Из отчаяния беспамятства рождается линейное повествование. Прошу за него заранее прощения у читателей.

Эфиопия – сдохла! Эфиопии больше нет! Она – труп, труп! – кричал облачённый в меловые полосы человек, стоящий у края дороги. Он вводил себя в состояние гнева и безумия для того, чтобы привлечь туристов, и для того, чтобы стерпеть их присутствие. Сам он, вероятно, из Мурси, что только помогало ему работать у дороги представителем этого племени, чтобы выручить что-то за счёт туристических фотографий.

Украины больше нет! – эту фразу я порой слышу в Украине, она мне хорошо знакома. Здесь, особенно на Востоке, поближе к войне, она нередко означает нечто ровно противоположное своему смыслу. В ней заключено некоторое удивление и лёгкое недовольство тем, что отныне во многом свободным от идеи какой-либо общности людям приходится не только принимать эту общность, но и требовать, ждать как спасения возникновения и восстановления государственных границ, нарушение которых означает теперь не свободу, а постоянную и бессмысленную гибель.

Место, где я живу, которое я представляю своим, — непосредственно реально. Но интроспективный образ его подвижен, он готов быть утерянным и порой может быть обретён только на иной недоступной территории.

Для того, чтобы вновь научиться видеть мою действительность, её раздробленную войной топографию, мне нужно заставить себя освоить новый географический язык, ландшафт, настолько далёкий и необъяснимый, как едва различимый язык чужой культуры.

В момент, когда затвердевают в камне отчасти новые представления об Украине, её центрах, периферии, «успешных» и «депрессивных» регионах с опорой на новый фундамент – разрыхлённое и атакуемое прошлое, мне хочется оказаться в той Украине, которая в виде проекции, фантазии пролегает на хребте собственных культурных и политических границ и может быть обнаружена на другом континенте.

Что я здесь делаю?

Рембо - в письме домой из Эфиопии

Будто бы знакомая мне Украина Майдана, войны, оккупированного Крыма – новорожденная зона фотографического поиска удивительного, аномального колорита, какой уже давно являются многие страны Африки.

Ландшафт Эфиопии представляется внеурбанистическим полем непосредственной жизни,

немыслимым, отдающим голосами животных и людей приключением. Тогда как зоны, близкие военным действиям в Украине, являются фронтиром, воображаемым рубежом европейской действительности, линией прекращения узнаваемого, квинтэссенцией предела или разложения общей, своей культурной географии.

Версия о задержавшемся послании

Изучив нашу жизнь, Бог отправляет посланца, чтобы сообщить людям, что он дарует им бессмертие. Посланец идёт задумчиво, он задерживается в пути, и кажется, ничего не существует, что бы не отвлекало его от цели странствия. Его развлекает даже игра с тенью или бабочка, которой нужно помочь удержаться на лепестке, обходной путь в густом лесу. Пока этот посланец медлит, Бог рассержен – отчего он теряет терпение? – и посылает к людям второго посланца, который должен сообщить им, что они должны умирать. Этот-то иного нрава, он идёт не сворачивая, отправляется напрямую и приходит первым. Люди, как обычно, со всей свойственной им наивностью, верят второму посланцу и начинают умирать. (из Эфиопии)

--

Засуха! Засуха! – перевели для меня с амхарик слово: ብርቅ, dirik'i.

Мы ехали в небольшом автомобиле, днями преодолевали огромные расстояния по пыльным дорогам. Навстречу нам двигались обозы, шли навьюченные животные, мулы, ослы, редкие тягловые лошади. Маленькие козы с пастухами бежали по дорогам, медленно шли стада низкорослых худощавых коров, нервно вытягивавших шеи, словно они пытались заглянуть вперёд и увидеть конец пути.

Машина останавливалась, потому что дорогу преграждали уставшие животные, и тут же к окнам подбегали пастухи, они не решались постучать по стеклу, они его гладили, будто пытаясь убрать пелену, отделявшую наши удивлённые лица от их удивлённых лиц. Мне хотелось выйти к ним, поговорить с ними. Переводчика с нами не было. Наши местные спутники просили меня оставаться в машине, а я обычно не решалась нарушить их просьбу. Вероятно, из-за жары, сухого воздуха, пыли, мы постоянно ощущали усталость. Она как туман окутывала сознание и способствовала превращению нашей машины в движущийся организм, герметичную капсулу, из которой через стекло мы смотрели на движущиеся обозы,

пеших странников, наблюдали за обращёнными к нам жестами, прислушивались к приглушенным голосам. Но мы почти не выходили, не говорили ни с кем.

--

В небольшом кафе на окраине Берлина мы встретились с антропологом из Италии Милой Л. О Миле я знала лишь то, что ради исследования, которому она решила подчинить всю свою жизнь, она прожила много лет на юге Эфиопии, приехав в эту страну впервые пятнадцать лет назад, когда ей было 28. За это время она написала несколько научных работ о жизни племени Мэ'эн, а сейчас завершала работу над книгой.

О ней я много слышала в Эфиопии. После встречи с одним из проживающих там антропологов она мне представлялась человеком героического мужества. Только благодаря ей, оказавшись на недавно проложенной трассе, соединяющей два небольших города долины Омо, мы знали, где остановиться и где свернуть на скрытую тропу. Мила прекрасно ориентировалась там, где опытный водитель из Аддис-Абебы совершал один промах за другим.

«На пути из Ханны, за первым редколесьем есть дорога, от которой вправо уводит широкая тропа, по ней нужно идти 40 минут, там вы увидите скважину, к которой на водопой приводят коров. Будьте внимательны, и встретите то, что ищете» – так я представляла себе её рекомендацию, благодаря которой мы попали к всё ещё существующему поселению Мэ'эн-Боди.

Она знала даже те места, где прерывались тропы, казалось бы, исчезали следы, соединяющие одно поселение с другим. С самого начала она приехала в эти края, чтобы жить вместе с одним из племён. Она полагала, что необходимо потерять последнюю нить, связывающую тебя с твоей культурой, для того, чтобы начать разбираться в чьей-то чужой жизни. Практически без вещей, налегке, она совершала когда-то многодневные переходы от одного поселения к другому. Она жила с Квегу, Боди, Мурси, пока, в конце концов, не осталась в одном небольшом поселении Мэ'эн на много лет.

Она жила с теми, кто ежедневно совершает многокилометровые пешие походы за водой, у кого постройка дома занимает не более двух дней, кто обходится настолько малым, что даже улыбка или жест кажутся излишеством и не размениваются понапрасну.

Нам говорили, что с годами у неё появилось влияние на то сообщество, которое поначалу наверняка обучало её азбуке жизни, как беспомощного ребёнка. Чтобы научиться жить с Мурси или Боди, нужно заново учиться ходить. В первое время каждый шаг в душной тишине по пыльной треснувшей земле среди унылых деревьев, растерявших в засуху свои листья, даётся с трудом. Африка в пограничной зоне между Эфиопией и Кенией, в области, обжитой теми, кто готов существовать незаметно, не обладая ни одной вещью, – может показаться безвоздушной пустыней, где исчезает всё узнаваемое. Кто-то говорил о людях, которых мы

встретили в долине Омо, что у них лёгкие ноги, а живут они, не оставляя после себя никаких следов. Они создают рисунки, делая маленькие надрезы на груди, руках и спине, чтобы помнить о пролитой ими крови, и узоры из шрамов – единственная их настоящая одежда.

Животное-дождь

Сверххищник, обитатель африканских каньонов, способный уничтожать за секунду любое живое или умершее существо. У него длинная морда, похожая на каплю, металлическая слюна. Из его крепких тёмных костей можно производить многое, даже детали для мобильных телефонов. Кто-то бахвалится, что это животное можно приручить. Враньё. Оно стало настолько редким, что совершенно не доверяет людям. Всех его сородичей, кто хоть как-то шел на контакт, поймали и вывезли в Европу.

--

Во время путешествия мне казалось, что Мила передала нам путеводные наставления в виде действующего заклęcia или пророчества, и до того, как её советы прозвучали, мы находились будто бы в совершенно другой стране. Основные дороги в области реки Омо, к берегам которой мы напрасно стремились попасть, были закрыты. Закрыты для всех, но с особой строгостью – для европейцев. Мы теряли бесценные дни, пытались получить письма и разрешения, необходимые для проезда в долину.

Блокпосты с вооруженными солдатами, напомнившие мне подъезды к украинской зоне военных действий, охраняли даже дальние подступы к реке. Её берега – после не так давно законченного строительства дамбы – стали делом государственной важности.

Дамба на реке Омо, обладающая собственным именем, как новый футуристический объект – Гайб III, воплощает современную индустриализацию Эфиопии. Построенная всего три года назад, она призвана навсегда изменить жизнь в этом районе страны. Эта вторая по величине дамба Африки своей значительностью напоминает о сталинских проектах укрощения природы. Боди, Мурси, Квегу и другие культуры, существующие тут уже тысячи лет, исчезнут.

Из-за дамбы река Омо больше никогда не будет разливаться. Её воды не наполнят раз в год многочисленные реки, ручьи и каналы, незаменимые для южных территорий источники воды, где странствующие скотоводы выращивали крупы, куда на водопой они водили свои стада. На дожди, реку Омо и ежегодное прибывание воды столетиями опиралась жизнь животных и людей этого региона.

Об ещё одном новом государственном предприятии – гигантских и неприбыльных сахарных плантациях, которые, усугубляя ущерб, наносимый дамбой, уже успели уничтожить часть многообразной жизни племён юга страны – нельзя было упоминать вслух. Из-за одного лишь вопроса, каким-то образом связанного с плантациями, мы могли потерять доступ даже к тем районам юга, куда ещё можно было проехать без дополнительных разрешений.

--

Мила была антропологом, и все её коллеги, которых мне приходилось встречать в Эфиопии, считали себя единственными возможными посредниками между любыми приезжими и поселениями племён. Один из них заявил нам как-то за ужином: «Стоит нам с вами договориться на выгодных условиях, и мы организуем племя, наших людей, они вам покажут всё что угодно, любые ритуалы, то, что любят кинематографисты, вы меня понимаете». Этот уже пожилой антрополог из Голландии по имени Удо полагал себя попеременно то монархом племени в изгнании, то полновластным послом этого же монарха в мир белых.

Он распоряжался воображаемыми полками «чистых», «не испорченных», «уникальных» людей и считал, что одно его присутствие может «заставить их делать удивительные,

невообразимые вещи!» От восхищения перед нарисованной им картиной он слегка щурил глаза и говорил о том, как представители племени «чудесно» смогут изображать животных, так, что мы не сможем от этого зрелища оторвать глаз. – Имитация!! Вот это они умеют делать ве-ли-ко-леп-но! – подвёл он итог и откинулся на спинку стула с видом человека, который предлагает нам настолько бесценный товар за ничтожное вознаграждение, что отказаться от его услуг может только глупец.

Приезжие из Европы в его исполнении были своего рода искателями стеклянных бус, неуклюжими охотниками за внешней формой жизни, за образом экзотичности, даже не за самой экзотикой. Их не только можно, их необходимо заставлять раскошелиться, а в ответ им нужно показывать театр, ритуал, вероятно, даже тайный, куда обычно допускаются только посвященные. Волноваться не стоит. Тайна останется тайной. «Белые» смогут распознать, увидеть только оболочку магического действия, да и её они истолкуют по-своему. Они сделают несколько фотографий, но никогда не смогут понять, что же именно они с детским усердием документируют.

Этот образ мысли делает и приезжих, и жителей племён равно ребячливо наивными. Последние могут неразумно расточать сокровища своих знаний, первые всё равно не будут

знать, что попадает к ним в руки. И только наука может стать неким достойным уровнем, безопасным и чистым коридором, где обе стороны встречаются или заключают сделку без ущерба друг для друга.

Как-то после длительного проезда по пыльным многолюдным трассам, мимо блокпостов, мимо опутанных колючей проволокой барачных лагерей, полностью открытых с одной стороны, как загон для скота, – там, в тени, лежали и сидели на серых бетонных плитах жители бывшего тут когда-то поселения Мурси, – я оказалась вечером в небольшом отеле, где мы опять встретились с Удо. На этот раз он разглагольствовал о стреле, заострённой палке, о многозначности её зазубренного конца, о том, какое множество смыслов можно найти в копье, оно же – крюк, луч, компас, указывающий путь, охраняющий от хищника мирные стада. Определённым образом заточенная палка была и орудием убийства, и карандашом, которым можно было на земле рисовать для детей рисунки, обучать их особенностям местности, объяснять дорогу.

Любой предмет в его изложении легко находил себе пару, мир аналогий множился, объясняя себя, послушно одно уподоблялось другому, и Удо назвал себя стареющим звездочётом. Он хотел навсегда остаться тут, в Эфиопии, где он обладал могуществом алхимика. Поэтому он не собирался ничего никому говорить о надвигающейся катастрофе, о засухе и индустриальных проектах.

И всё же, когда мы с ним остались за столом одни, я решила задать давно беспокоивший меня наивный вопрос: «Антропологи из Европы – единственные без страха за свою жизнь могут говорить о том, что тут происходит. Вы же молчите сейчас, когда можно ещё что-то сохранить, спасти?» – Удо задумчиво глядел куда-то, словно охватывая взглядом свои разрастающиеся знания, которым стало нестерпимо тесно в его голове, и теперь они усеивали пространство вокруг, переполняли линию горизонта и звёздами зажигались в небе.

Неспешно, выделяя каждое слово, он проговорил: «При всём уважении к вам, я, сколько не пытаюсь, не могу постигнуть, о чём вы меня спрашиваете и чего именно вы такого рода вопросом хотели бы достичь».

Тот день, день моей встречи с Удо, выдался очень жарким. Днём было около 45 градусов на солнце, и все мои мысли были о вечере и прохладе. Но и тёмным вечером воздух оставался тяжёлым, настолько, что стало слишком тихо, словно замерли мухи, жуки и бабочки, обычно наполнявшие сумерки мелодичным потрескиванием и шорохом.

--

Холод февральского дня не только перечеркивал эти воспоминания, он их изгонял, как самый обычный сон.

Мила говорила очень тихо, мне трудно было вникнуть в её запутанное повествование о жизни поселения, где мы остановились на несколько дней и где она провела несколько лет. Ясность, с которой она сообщила нам точные сведения о дороге, исчезла. Её глаза казались

нарочито печальными, слова – робкими и скученными, и только ряды медных браслетов на запястьях напоминали о том, что она была полноправной обитательницей совсем другого мира. Она несколько раз с волнением спросила нас о Кесури, главе поселения, и эти её вопросы казались мне единственными различимыми, чёткими в потоке приглушенных замечаний.

– Вам не показалось, что он отощал, что у него на лице слишком отчётливо видны скулы?

Мы заверили её, что с ним всё в порядке, но наши слова её, видимо, не убедили. Мила опять обратила к нам тревожный и грустный взгляд и продолжила свой рассказ.

Долгое время Мила жила в долине Омо, как нам сказали вначале, «совершенно одна», изучая язык, который меняется от посёлка к посёлку, от пригорка к равнине, от дерева к дереву. Изучив язык Мэ'эн, она добилась особого положения в поселении, большого и редкого доверия тех, кто её этому языку обучал.

Вероятно, в Эфиопии ей пришлось заново выстраивать нечто неуловимое, то, что мы считаем личностью, думала я, и поэтому её новые знакомые, которые вместе с ней невольно были задействованы в этом строительстве, считали себя в праве безусловно довериться ей. Ведь им казалось, что каждый камень в этом фундаменте они устанавливали вместе.

В связи со всем вышесказанным не удивительным является и то, что Мила Л., которую в Италии ждал муж, вышла замуж ещё раз в Эфиопии (процедура развода в данном случае совершенно излишня) и стала третьей женой одного из самых серьёзных и внимательных мужчин поселения. О нём она с волнением и расспрашивала нас.

--

В нашу небольшую тусклую комнату, где мы сидели с Милой, прорывались звонкие голоса из первого светлого зала кафе, брэнчание фарфора, чайных ложек, мягкие звуки радио. За соседним с нашим столиком расположился мужчина. Перед ним стоял открытый компьютер, рядом были расположены бумаги для записей, стопкой лежали визитки и небольшие записки. Он был похож на бывшего студента, длинные волосы то и дело закрывали лицо, он их лихо отбрасывал назад. Его откровенно злая улыбка и сарказм, с которым он произносил каждую фразу, производили впечатление большой редкости и притягивали внимание. Деловито он перекладывал бумаги на столе, брал в руку один или другой печатный лист, словно кому-то что-то объясняя. Сначала я решила, что он с кем-то говорит по скайпу или по телефону. Он кого-то спрашивал, видимо, о чём-то крайне важном, я прислушалась:

– Ты действительно уверен, что уже умер?

Занимательный вопрос. Последовал ответ. Собеседник выложил ему пояснения, видимо, глупые или смешные, потому что мужчина зашелся смехом.

– Подожди, – хохотал он, – ты хочешь сказать, что тебя устраивает неведение? Ну ты уморил меня, брат, ну ты даёшь! – отвечал он на продолжающийся, видимо, поток шуток.

Вскоре, из-за особого наклона его головы и того, что он смотрел постоянно куда-то вбок, стало ясно, что он не говорил по скайпу. Мне пришлось подойти к нему, чтобы окончательно убедиться: всё это время он обращался к пустому месту рядом с собой.

Кто-то словно толкнул его локтем в бок, он сжался, захихикал, выпрямился.

На экране ноутбука, куда он иногда заглядывал, продолжалась одна и та же монотонная игра. Он управлял серым автомобилем, который летел вперёд по серой широкой трассе, иногда преодолевая однообразные препятствия.

Кажется, открытый компьютер, лежащий на столе телефон, бумаги были ловко подобранной маскировкой, позволившей ему взять невидимого собеседника в кафе.

– И что нам теперь делать? Куда с этим идти? Только не вдавайся опять в твои дурацкие занудные объяснения, – с наглыми интонациями требовал он у невидимого.

Итак, наш сосед в этом кафе совершенно один, он тяжело болен, - или всё же существует некий собеседник, которого я в силу различных причин не в состоянии увидеть? Я присматривалась к нему, место рядом с ним оставалось пустым. Его же настолько поглотил разговор с кем-то важным, вероятно, полуживым, что меня он попросту не замечал, он не замечал всех нас, пытавшихся обсудить жизнь исчезающего племени в стране, которая в этот момент показалась мне тоже едва существующей.

В последний вечер мы брали интервью у двух подруг, двух молодых женщин. Одна из них рассказала нам о том, что смерть и несчастье являются той же случайностью, что и встреча со злыми духами или невидимым миром. Ты сам не знаешь о том, что твоя смерть лежит в одном из горшков, неловким движением разбиваешь его, она высвобождается, и теперь, лишённая пристанища, вынужденно следует за тобой. Или, например, она может спокойно храниться под плохо вкопанной веткой из стены дома, ты же по глупости и неосторожности выдёргиваешь ветку, перекладываешь камень и так далее и тому подобное. Смерть лишается покоя, и ей ничего не остаётся, как настигнуть тебя.

Однажды одна из девушек купалась в реке, заглянула в воду и увидела, как круглый крупный голыш пошатываясь идёт возле её ног будто по каким-то своим делам. Она тут же схватила камень и вытащила его из воды. Он прикинулся неподвижным обычным камнем. – Её лицо тут же изобразило равнодушие камня. – Она бросила его в воду, он же смущенно остался лежать там, куда она его бросила. – Она прижала руки к груди и стала воплощением покорности и смущения камня. – Её подруга отправилась однажды в лес, увидела нору гиены, заглянула в неё, и тут же невидимые существа начали затаскивать её в нору. Хотя нора была и совсем небольшой, они её почти полностью затолкали внутрь. И только пятку им никак не удавалось втолкнуть в свою яму. Именно за эту пятку ухватилась мать девушки и вытащила её из норы.

Невидимый собеседник перешёл в режим монолога. Наш сосед иногда с удивлением оглядывался на него и лишь междометиями и одобрительными восклицаниями давал понять, что внимательно его слушает.

-

